

8. *Хорошавина Н.С.* Частно-государственное партнерство как механизм привлечения инвестиций в развитие производственной и социальной инфраструктуры страны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 5.
9. *Чегринцева Н.С.* Государственно-частное партнерство как объект корпоративного управления // Предпринимательство. 2011. № 8.
10. *Шаповалова А.М., Данелюс Д.В.* Обеспечение общественной безопасности на уровне местного самоуправления // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 18. № 2. С. 273–282.
11. Экономические и финансовые основы местного самоуправления. Учебное пособие. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. С. 24–28.
12. *Якунин В.И.* Партнерство в механизме государственного управления // Социологические исследования. 2007. № 2.

Kuznetsov Yury Viktorovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of chair; Saint Petersburg State University (d.62, ul. Tchaikovsky, St. Petersburg, 191123, Russian Federation). E-mail: tour@spbu.ru

Kapustina Nadezhda Valerievna, Doctor of Economic Sciences, associate Professor, Moscow State University of Railway Engineering (МИИТ), Moscow Witte University (9, ul. Obraztsova, Moscow, 127994, Russian Federation). E-mail: kuzminova_n@mail.ru

Khomeriki Naila Borisovna, Candidate of economic Sciences, associate Professor; Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University) (73, ul. Zemlyanoy Val, Moscow, 115088, Russian Federation). E-mail: nb1605@mail.ru

IMPLEMENTATION OF POTENTIALS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP SUBJECTS AS A FACTOR OF ECONOMIC SECURITY OF REGION

Abstract

The article presents the mechanisms of development of public-private partnerships to address social problems in the region. Identified challenges and opportunities for improving the implementation of potential participation of actors public-private partnership in the implementation of investment programs in the regions of Russia, with a social orientation.

Keywords: *development of public-private partnership, investment programs in the region, social focus, economic security, potential.*

УДК 332.12+338.46

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мащенко Юлия Александровна кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: yulia-maschenko@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются современные тенденции формирования отраслевой структуры экономики РФ и ее регионов, связанные с повышением доли сферы услуг и отраслей социальной сферы в создании добавленной стоимости. Дается оценка адекватности происходящих структурных сдвигов реальному состоянию национальной и региональных экономических систем.

Ключевые слова: *территориальная организация, отраслевая структура экономики, сфера услуг, социальная сфера, региональная дифференциация.*

Мировые и национальные тенденции социально-экономического развития характеризуются расширением масштабов, усложнением структуры и характера, повышением требований к качеству производимых нематериальных благ, направленных на удовлетворение усложняющихся потребностей человека, повышение качества сферы его жизнедеятельности. Результаты функционирования отраслей сферы услуг, и в частности отраслей социальной сферы, воплощенные в приращении и развитии биологического, интеллектуального и образовательного, культурно-духовного человеческого капитала, становятся решающим фактором развития современной экономики, способствуют улучшению ее состояния по всем показателям (экономическим, политическим, демографическим и др.) [1]. Сервисизация и социализация общественного производства рассмат-

риваются как всеобщий прогрессивный социально-экономический процесс реструктуризации экономики макро-, мезо- и микроуровня и сферы занятости. Динамика экономики страны все более определяется динамикой сферы услуг и ее важнейшего и качественно отличающегося сегмента – социальной сферы. В этих условиях актуальным представляется исследование роли сферы услуг и социальной сферы в современном воспроизводственном процессе, а с учетом выраженной территориальной дифференциации социально-экономического развития в РФ – тенденций формирования сервисной и социальной составляющей в региональных экономических системах.

К началу 2000-х гг. Россия формально осуществила переход к экономике нового типа, которую принято называть «сервисной» и для которой характерны высокий вклад отраслей сферы услуг в основные результаты экономического развития. Уникальность в историческом смысле современного этапа социализации экономики в России заключается в наличии ряда существенных противоречий. Так, формальными критериями степени «сервисности» и «социализации» экономики может служить доля соответствующих видов деятельности в валовом внутреннем продукте (ВВП) и валовой добавленной стоимости (ВДС). В России сфера услуг демонстрирует высокие значения показателей вклада в экономические результаты: доля услуг в 2011-2015 гг. стабильно составляет 62-63% в ВВП [2] и порядка 65% в численности занятых [3], что сопоставимо с параметрами экономически развитых стран. Например, доля сферы услуг в Германии в 2014 г. составляла 68,9%, в Японии – 72,7%, в США – 78,9% [4]. Статистика создает впечатление о России как о постиндустриальной экономике, в которой производство услуг превышает производство товаров, причем со значительным перевесом (60:40), и более того – как о стране с современной экономикой, в которой роль государства снижена и в которой сектор рыночных услуг (торговля, финансовое посредничество, операции с недвижимостью и др.) существенно превышает госсектор по параметрам занятости, производительности и др. (табл. 1).

Данные таблицы 1, демонстрируя устойчивую тенденцию роста вклада отраслей сферы услуг в формирование валового внутреннего продукта, вместе с тем характеризуют и ее неэффективную отраслевую структуру с точки зрения воспроизводства человеческого капитала. Доминирующее положение в структуре ВВП занимают торговля, транспорт и связь, операции с недвижимым имуществом, суммарно дающие порядка 40-42%. При несомненном экономическом значении данных отраслей их социальная значимость не столь высока, а их рыночный потенциал значительно выше социального. Механизм трансфертного ценообразования, посредством которого достигаются подобные результаты, в конечном счете, приводит к завышению добавленной стоимости в секторе услуг, составной частью которых является торговля, и недооценке добавленной стоимости в промышленности [5]. Применяемая в странах с рыночной экономикой макростатистическая модель – система национального счетоводства, базирующаяся на идеологии равноправия производства материальных благ и нематериальных услуг, не приспособлена для учета этих схем.

Вклад отраслей социальной сферы – образования, деятельности по предоставлению коммунальных услуг, услуг в области культуры, физической культуры и спорта, деятельности по организации отдыха и развлечений и т.д. – остается достаточно скромным. Без учета деятельности по обязательному социальному страхованию, объединенной с сектором государственного управления, он составляет 7,5-8,3% в 2012-2015 гг. (табл.1). Учет вышеуказанных видов деятельности повышает значение долевого участия отраслей социальной сферы в производстве ВВП РФ до 13,8-16,4%, что в любом случае не достигает значений данного показателя для развитых стран (Германия – 17,9, Великобритания – 19,1, США – 25,2% в 2014 г.). При этом индексы физического объема НДС как в целом сферы услуг РФ, так и входящих в ее состав отраслей социальной сферы демонстрировали в рассматриваемом периоде устойчивую тенденцию к снижению и переходу в отрицательные значения (табл. 1).

Здравоохранение осталось практически единственной отраслью социальной сферы, в которой отмечается экономический рост. В данной ситуации сказывается влияние сокращения совокупного платежеспособного спроса со стороны всех субъектов потребления – начиная с государства и заканчивая большинством домашних хозяйств – и проявление рационального потребительского выбора. В условиях кризиса и дефицита денежных средств происходит сокращение объема или отказ от потребления образовательных, бытовых, культурно-рекреационных и других услуг, материальных благ. Но здоровье – последнее, на чем будет экономить человек, даже имеющий ограниченные финансовые возможности. Для Российской Федерации в данной ситуации становится особенно актуальным поиск путей улучшения организации и финансирования здравоохранения с целью укрепления здоровья и соблюдения социальной справедливости [6].

**Валовой внутренний продукт и валовая добавленная стоимость в РФ
по видам экономической деятельности в сфере услуг
(в текущих ценах, в процентах к итогу)**

	Структура валового внутреннего продукта по видам экономической деятельности				Индексы физического объема валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности			
	2012	2013	2014	2015	2012	2013	2014	2015
Валовой внутренний продукт в рыночных ценах	100,0	100,0	100,0	100,0	103,5	101,3	100,7	96,3
Сфера материального производства	37,6	37,6	36,4	37,3				
Сфера услуг	62,4	62,4	63,6	62,7				
в том числе:								
Раздел Г. Оптовая и розничная торговля; ремонт	17,6	17,4	16,1	15,8	103,4	100,4	101,4	90,0
Раздел Н. Гостиницы и рестораны	0,9	0,9	0,9	0,9	104,5	102,3	100,1	94,7
Раздел I. Транспорт и связь	7,9	7,9	7,4	7,3	104,0	102,1	99,2	98,5
Раздел J. Финансовая деятельность	4,4	4,8	4,9	4,3	119,6	112,0	110,5	96,4
Раздел К. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	17,1	17,1	16,9	17,3	102,8	100,9	99,8	99,1
Раздел Л. Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	6,3	6,3	8,5	8,1	100,9	101,0	100,5	99,2
Раздел М. Образование	2,5	2,4	2,8	2,6	97,1	97,9	101,9	95,9
Раздел Н. Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,4	3,4	3,9	4,1	102,4	100,7	101,7	100,4
Раздел О. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,6	1,5	1,6	1,6	100,8	99,9	97,7	98,6
Раздел Р. Деятельность домашних хозяйств	0,7	0,7	0,6	0,7	104,7	101,8	101,5	101,4

Составлено автором по материалам официального сайта Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru>

Рост удельного веса деятельности по государственному управлению и социальному страхованию в структуре ВВП (3,4-4,1% в рассматриваемый период) демонстрирует продолжающуюся централизацию бюджетной системы РФ и сохранение стремления органов государственной власти централизованно решать все задачи социального развития без поиска партнеров в данных вопросах (несмотря на формально складывающуюся иную тенденцию).

Таким образом, в российской экономике стремительно сложилась и продолжает доминировать «антисоциальная» модель развития сферы услуг, воплощенная в преобладающем развитии услуговых отраслей, только опосредованно и/или частично формирующих интеллектуальные, профессионально-квалификационные, культурные свойства и качества человека, его здоровье и самочувствие. Сервисизация без социализации – так можно охарактеризовать данную ситуацию, противоречащую одному из важнейших мировых трендов социально-экономического развития. Очевидно, что экономические и социальные реформы 2000-х гг. не создали условий для качественного улучшения благосостояния населения, решения демографических проблем [7].

Мизерная доля отраслей социальной сферы в производстве валового внутреннего продукта – статистическое свидетельство несоциальной тенденции развития российской экономики.

Рассмотрим региональные проявления данного экономического тренда, что, как подчеркивалось выше, актуально с учетом высокой степени неоднородности экономик регионов РФ. Как показывают данные табл. 2, вклад как сферы услуг, так и отраслей социальной сферы в формирование валовой добавленной стоимости (ВДС) и валового регионального продукта (ВРП) является резко дифференцированным.

Таблица 2

Количественный состав групп регионов РФ с различной долей сферы услуг и социальной сферы в ВДС, %

	2004	2014
Доля сферы услуг в ВДС, %		
До 40	17	9
40-50	27	21
50-60	29	33
60 и более	9	22
РФ из суммы субъектов	51,9	56,3
Доля социальной сферы в ВДС, %		
До 5	5	4
5-10	43	21
10-15	27	47
15 и более	7	13
РФ из суммы субъектов	8,0	9,1

Межрегиональная дифференциация доли сферы услуг в региональных экономических результатах в 2004-2014 гг. характеризуется достаточно существенным интервалом: от 9,9% в Ненецком автономном округе до 80,2% в г. Москве в 2004 г. и от 13,8% до 76,8% в тех же регионах в 2014 г. (с учетом г. Севастополя максимальным значением долевого участия сферы услуг в экономическом развитии регионов можно считать 82,5%) [8]. Таким образом, разрыв между максимальным и минимальным значением данного показателя за указанный период сократился с 8,1 до 5,5 раз. При этом в 2004 г. 50 регионов, а в 2014 г. – 47 субъектов имели значения данного показателя ниже среднероссийского уровня.

При анализе вклада сферы услуг в производство валовой добавленной стоимости все субъекты РФ разделены на 4 группы: с долей сферы услуг, не превышающей 40%, и характеризующейся низким уровнем участия в формировании ВДС; составляющей 40-50% (что может быть обозначено как уровень участия «ниже среднего»); находящейся в пределах 50-60% (средний уровень участия) и превышающий 60%. Распределение субъектов РФ, приведенное в таблице 2, показывает, что за указанный период произошли существенные количественные изменения состава выделенных групп регионов – практически в два раза сократилось число регионов с низким значением показателя (менее 40%), резко возросло количество регионов с высокой долей сферы услуг (более 60%). Является ли это свидетельством качественных изменений в отраслевой структуре ВДС и ВРП, соответствующих современным тенденциям экономик развитых стран?

Именной состав групп может считаться относительно стабильным. Так, в 2014 г. группу «аутсайдеров» формировали те же субъекты, что и в 2004 г. (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Сахалинская, Оренбургская, Липецкая, Белгородская области, Красноярский край) за исключением Республики Коми, попавшей в данный список в связи с возобновлением роста в традиционных для региона отраслях материального производства. В основе хозяйственной деятельности в указанных субъектах – добывающая и/или обрабатывающая промышленность, в которых создается от 30 до 70% валового внутреннего продукта.

Менее половины валового регионального продукта создается в сфере услуг 27 регионов в 2004 г. и 21 субъекта в 2014 г., при этом 11 из них сохранили свое положение в данной группе в рассматриваемый период. В большинстве своем здесь представлены регионы со специализацией на сырьевых отраслях (топливная промышленность, черная и цветная металлургия) и отраслях, перерабатывающих сырьевые ресурсы, имеющие достаточно высокий уровень экономического развития (республики Татарстан, Башкортостан, Чукотский автономный округ, Волгоградская область

и т.д.). Исключение составляют регионы, в которых значительна роль сельского хозяйства в производстве ВРП (Курская, Тамбовская области, республики Марий Эл, Карачаево-Черкесия и др.). При близком значении долевого участия сферы услуг в региональной экономике регионы данной группы имеют разный уровень экономического развития, что позволяет сделать вывод об определяющем влиянии промышленной специализации на общий уровень развития и величину ВРП.

Наиболее многочисленная группа регионов с долей сферы услуг, превышающей 50%-ную отметку (следовательно, близкой к среднероссийскому значению) в 2014 г. представлена 16 субъектами, сохранившими свое положение в данной группе в 2004-2014 гг. В остальных 17 регионах к 2014 г. произошел существенный рост долевого участия сферы услуг в формировании ВРП, за которым, однако, не всегда стоит рост промышленного потенциала. В составе данной группы находятся 3 типа регионов: со специализацией преимущественно на сельском хозяйстве (аграрные республики Юга – Калмыкия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Крым); аграрно-индустриальной ориентацией экономики (Ростовская, Курганская, Воронежская области, Краснодарский, Ставропольский края и др.); со специализацией, определяемой сочетанием топливной, химической, машиностроительной и других отраслей промышленности (Астраханская, Владимирская, Мурманская, Нижегородская области и другие регионы).

Таким образом, относительно высокий уровень вклада сферы услуг в производство ВРП в регионах данной группы в ряде случаев обусловлен действительно достаточно высоким уровнем ее развития, но в большинстве связан со слабо диверсифицированной структурой региональной экономики и возникающим в данном случае «эффектом замещения» услугами недопроизведенных материальных благ.

Чем выше доля сферы услуг в ВРП, тем чаще возникает подобная ситуации компенсации сферой услуг нереализованного индустриального потенциала регионов РФ. Так, в группе регионов с ее наибольшим долевым участием вполне логично выглядит только присутствие городов федерального значения (г. Севастополь – 82,5, г. Москва – 76,8, г. Санкт-Петербург – 70,9%). Присутствие в группе остальных традиционно отстающих в экономическом развитии субъектов Центрального, Южного, Дальневосточного, Сибирского округов (Ивановская, Псковская области, республики Бурятия, Тыва, Ингушетия и др.) свидетельствует о сохраняющихся региональных проблемах в сфере материального производства. Факт количественного роста данной группы (с 9 до 17 субъектов в 2004-2014 гг.) демонстрирует скорее деградацию индустриального потенциала регионов, нежели расширение территории РФ, охваченной постиндустриальными ориентирами развития.

Таким образом, относительно невысокая доля сферы услуг в ВВП большинства регионов РФ говорит в большей степени об их достаточно высоком общем уровне экономического развития и, как ни парадоксально, высоком уровне развития самой сферы услуг. Такие регионы имеют, как правило, специализацию на сырьевых отраслях или диверсифицированную структуру экономики, ориентированную на российский и мировой рынок. Специализация регионов на отраслях обрабатывающей промышленности или сельском хозяйстве сопровождается недостаточным уровнем экономического развития, низким уровнем развития самой сферы услуг и ее более высокой ролью в производстве ВРП. Увеличение долевого участия сферы услуг в ВДС и ВРП таких регионов происходит на фоне недостаточно развитого индустриального потенциала, неэффективного использования или отсутствия материально-технической базы.

Высокие значения показателей вклада сферы услуг в производство ВРП в ряде регионов, сопоставимые с уровнем развитых стран – Республика Ингушетия (67,9%) и Чеченская Республика (71,1%), Республика Тыва (72,3%) в 2014 г. – коррелируют лидирующим положением в отраслевой структуре региональных экономик сектора государственного управления, на который приходится не менее 16-17 и до 23% валовой добавленной стоимости, что в 2-3 раза превышает среднероссийский показатель. За этими цифрами стоят, по сути, государственные расходы в различных сферах: сельском хозяйстве, землепользовании, в области топливно-энергетических и минеральных ресурсов, инфраструктуре экономики, транспорте; государственное управление программами социального развития и другие виды деятельности, финансируемые за счет расходов бюджета. Но это не индикаторы непосредственно создаваемого продукта в отраслях экономики и социальной сферы, скорее, показатели масштабов поддержки из федерального бюджета.

Как видно, роль сферы услуг в экономическом развитии регионов РФ не может оцениваться только по доле сферы услуг в создании валовой добавленной стоимости и производстве валового регионального продукта. Данный показатель не может служить ни индикатором степени развития

сферы услуг и социальной сферы в частности, ни критериальным признаком постиндустриального характера общества, поскольку его значения зачастую обусловлены спецификой размещения производительных сил и территориальной системы расселения.

Закономерно, что именно в регионах с высокой долей сферы услуг в ВДС отмечаются высокие значения вклада отраслей социальной сферы (по современной классификации ОКВЭД – разделов «Образование», «Здравоохранение и предоставление социальных услуг» и «Предоставление коммунальных, социальных и прочих персональных услуг»). Так, в группе регионов с долей сферы услуг до 40% в 2004 г. доля отраслей социальной сферы составляла 6,2% в 2014 г. – 6,1%; в диапазоне 40-50% – 9,8 и 9,9%; в промежутке 50-60% – 11,6 и 11,8%; с долей свыше 60% – 13,3 и 15,2% соответственно. Доля образования при среднероссийском значении 4,8% в 2014 г. дифференцируется от 1,0 в Ненецком автономном округе до 12,3% в Республике Тыва; аналогичные показатели сферы здравоохранения – 1,2% (Ненецкий автономный округ), 5,6% среднероссийский уровень), 16,7% (г. Севастополь).

Территориальная организация социальной сферы в РФ всегда отличалась существенными диспропорциями, за которыми стоят многочисленные природно-климатические, исторические, демографические, экономические и иные причины. Объективные особенности систем расселения и условий жизнедеятельности населения в Сибири и на Дальнем Востоке оказывают непосредственное влияние на развитие территориальной сети объектов социальной инфраструктуры, усложняют и удорожают предоставление социальных услуг [9]. Межрегиональная асимметричность проявляется в характере развития и размещения социальной инфраструктуры: обеспеченности населения регионов местами в учреждениях дошкольного образования, учреждениями общего и профессионального образования всех уровней, больничными койками, амбулаторно-поликлинической помощью, учреждениями культуры, физической культуры и спорта, квалифицированными кадрами и т.д. [10].

Соотнесение представленных выше экономических результатов функционирования отраслей социальной сферы, выраженные их долей в производстве ВДС, показателей обеспеченности населения регионов объектами, услугами, кадрами социальной инфраструктуры, финансовыми ресурсами, а также параметров уровня и качества жизни «результатирующего» характера (например, ожидаемой продолжительности жизни) имеет высокий потенциал для изучения. Можно говорить о несогласованности ресурсов и результатов социального развития во многих регионах РФ. Так, занимающая 2 место по доле здравоохранения в ВДС республика Тыва находится по данным за 2014 г. на 2 месте по числу больничных коек, (131,3 на 10000 человек населения), на 6 месте по мощности амбулаторно-поликлинических учреждений, но на 43 месте по числу врачей всех специальностей и 30 месте по уровню заболеваемости. Лидирующее положение региона по рождаемости в последние годы (25,4 человек на 10000 человек населения в 2014 г.) полностью нивелировано самой низкой продолжительностью жизни в РФ – 61,79 лет, а также высоким уровнем младенческой смертности (62 место в стране со значением 15,4 на 1000 родившихся живыми)! Таким образом, вклад сектора «Здравоохранение» в ВДС региона обратно пропорционален одному из основных параметров состояния здоровья населения – ожидаемой продолжительности жизни.

Пространственный характер российской экономики обуславливает наличие существенной региональной дифференциации в РФ по рассмотренным показателям. Для ее преодоления необходимо, систематизируя имеющиеся теоретические и методологические подходы, предложить новые методы изучения социальной сферы в регионах, отвечающие современному этапу развития российского государства, и соответствующие инструменты государственной политики пространственной организации социума. Системная цель данной политики государства заключается в конечном итоге в росте благосостояния при условии обеспечения личной и общественной безопасности, повышения качества жизни и расширения гражданских свобод [11–12].

Проведенный анализ показывает, что как экономика РФ, так и региональные экономические системы в настоящее время только формально имеют сервисный характер. Степень «социальности», измеренная долей в ВДС видов экономической деятельности, относящихся к социальной сфере, также является относительной. Высокий вклад отраслей социальной сферы в создание ВДС – скорее результат дотационности региональной экономики, слабости ее индустриальной базы и зависимости от распределения бюджетных средств. В ряде случаев можно констатировать отсутствие взаимосвязи между экономическими и социальными результатами регионального развития. Это приводит к тому, что население значительной части субъектов РФ не может полноценно реализовать свои права на получение социальных благ и услуг.

Литература

1. Мишон Е.В. Государственно-частное партнерство в социальной сфере региона // Вестник Воронежского государственного университета, серия: «География, геоэкология». 2016. № 1.
2. Электронные таблицы «Показатели национальных счетов России в 2011-2015 гг.» // Электронный ресурс [Режим доступа: свободный]
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#
3. Занятое население по видам экономической деятельности // Электронный ресурс [Режим доступа: свободный]
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#
4. Россия и страны мира, 2014: Статистический сборник // Электронный ресурс [Режим доступа: свободный]
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139821848594
5. Новый КГБ (Комментарии о Государстве и Бизнесе). Институт «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». Под ред. С.В. Алексашенко // Электронный ресурс [Режим доступа: свободный] http://ores.ru/data/2013/03/12/1233149949/KGB_41f.pdf
6. Кюрджиев С.П., Бова Ф.С. Возможные варианты модернизации экономической модели здравоохранения в РФ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 9. С. 87-92.
7. Немашкалова К.Г. Социальная политика России в период рыночной трансформации: сущность, этапы, специфика // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 1. С. 65-72.
8. Регионы России: Статистический сборник // Электронный ресурс [Режим доступа: свободный] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
9. Ратьковская Т.Г. Пространственные особенности условий развития социальной инфраструктуры регионов Сибири // Регион: экономика и социология. 2015. № 3.
10. Бельчук Е.В. Анализ региональной дифференциации социальной сферы России // Экономический анализ. 2012. № 32.
11. Игнатова Т.В. Проблемы управления региональной социально-трудовой и демографической безопасностью в посткризисный период // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 8. С. 42-47.
12. Баженова Е.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Эволюция государственной региональной политики России в аспекте обеспечения ее национальной безопасности: этапы, содержание, результаты // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22. № 6. С. 149-159.

Mashchenko Yulia Aleksandrovna, Candidate of Economic Science, Docent of Chair of Economy, Finance and Nature; South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., 344002, Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: yulia-maschenko@yandex.ru

IMPROVEMENT OF TERRITORIAL ORGANIZATION OF SOCIAL SPHERE IN RUSSIAN FEDERATION

Abstract

The article examines the current trends in the formation of the branch structure of the Russian economy and its regions associated with an increase of the service sector and social sphere's share in the creation of value added. The structural shift is estimated as corresponding to the real state of the national and regional economics.

Keywords: *territorial organization, branch structure of the economy, service industry, social sphere, regional differentiation.*